

# К вопросу о конкуренции видо-временных форм в плане будущего времени

**Balázs Pálincás**

Eötvös Loránd University, Hungary

**Abstract:** The topic of the present paper is the competition of Russian verb forms that are used for conveying future actions. The author examines the relative synonymy that may occur between the following verb forms: 1) the future perfective (e.g. *помогу*) and future imperfective (e.g. *буду помогать*), which express the concrete-factual and general-factual meanings, respectively; 2) the present imperfective (e.g. *читаю лекцию*) – which realizes the praesens propheticum (настоящее профетическое) meaning – and the future imperfective (e.g. *буду читать лекцию*).

**Keywords:** functional grammar, Russian verbal aspect, future time, future tense, competing verb forms

Настоящая работа рассматривает две разновидности конкуренции видо-временных форм в плане будущего времени. В первой части статьи обсуждается относительная синонимия форм простого будущего (выступающего в позиции конкретно-фактического) и сложного будущего (реализующего общефактическое значение), например: *Ты сделаешь/будешь делать ей предложение?* Во второй части рассмотрим взаимозаменяемость форм настоящего несовершенного (передающего значение настоящего намеченного действия) и сложного будущего, например: *В университете я обычно провожу семинары, но на этой неделе я читаю/буду читать лекцию.* В аспектологических исследованиях принято говорить о т. н. конкуренции видов, когда «речь идёт о взаимозаменяемости видов, не сопровождаемой изменением основного смысла высказывания (изменяются лишь оттенки выражения этого смысла)» (Бондарко 1971: 36). В первой части данной работы речь пойдёт о подлинной видовой конкуренции (хотя и в плане будущего времени), а во второй части рассматривается принципиальная взаимозаменяемость исключительно глаголов НСВ, однако в данной статье мы намерены применить процитированную выше трактовку А. В. Бондарко и к взаимозаменяемости видо-временных форм.

## Конкуренция форм простого и сложного будущего

Видовая конкуренция при реализации конкретно-фактического значения СВ и общефактического значения НСВ освещена в научной литературе, в первую очередь, в плане прошедшего времени (см. Бондарко 1971: 37–38;

Шведова 1984; Маслов 2004: 102–105; Падучева 2010: 53–65). Это не удивительно, если учесть, что доминантная позиция общефактического значения — прошедшее время (Ясаи 2000: 118). На наш взгляд, это объясняется, в частности, следующими причинами: 1) количество глаголов формы сложного будущего, способных выражать общефактическое значение, лексически ограничено, в то время как формы прошедшего несовершенного весьма свободно могут выступать в данном частно-видовом значении (Рассудова 1982: 76), и 2) при употреблении форм сложного будущего грань между значениями конкретно-процессного и общефактического действий не так ярко выражена, как в случае форм прошедшего времени (Гловинская 2001: 230).

Несмотря на вышесказанное, мы считаем, что конкуренцию видов в плане будущего времени также нельзя оставить без внимания. Когда контекстуальные условия способствуют семантическому сближению общефактического и конкретно-фактического значений, может развиваться относительная синонимия между соответствующими глаголами НСВ и СВ, и, следовательно, появляется возможность взаимозаменяемости членов оппозиции без значительного изменения смысла (см. Ясаи 2005: 181; Jászay 2019: 55). Данный механизм так же характерен для будущего времени, как и для плана прошедшего времени.

Начнём с примеров видовой конкуренции в контексте вопросительных предложений, поскольку при употреблении формы сложного будущего общефактическое значение преимущественно проявляется в вопросах (см. Рассудова 1982: 76). Обратим внимание на следующие примеры:

- (1а) Ты **будешь оформлять** визу?
- (1б) Ты **оформишь** визу?
- (2а) Ты **будешь подавать** на него в суд?
- (2б) Ты **подашь** на него в суд?

Разумеется, как мы уже упоминали выше, здесь речь идёт об относительной синонимии. Хотя данные высказывания очень близки друг к другу по смыслу, нельзя заявить, что (1а и 1б) и (2а и 2б) полностью эквивалентны. В зависимости от лексического значения глагола и от контекста могут возникать разные интерпретации предложений (тонкие семантические, модальные и прагматические различия).

Мы представим одно из возможных толкований различия конкурирующих форм в вышеприведённых примерах. В случае вопросов, содержащих глаголы НСВ, имеется нейтральное отношение к обозначаемому действию. Человек, задающий вопрос, не проявляет заинтересованности в реализации действия, он просто интересуется, есть ли *намерение* у собеседника совершить данное действие (иначе говоря: он хочет знать, будет ли иметь место действие или нет), см. (1а и 2а). В отличие от этого, в вопросах, содержащих глаголы СВ, уже можно уловить признак *ожидаемости* при реализации дей-

ствия со стороны субъекта; говорящий полагает, что действие *должно произойти*, см. (16 и 26).

Следует сказать, что вышеуказанное истолкование можно применить и к плану прошедшего времени. В примерах (3а и 3б) с глаголами НСВ акцент говорящего делается на *наличии* или *отсутствии действия*, в то время как в предложениях (4а и 4б), содержащих глаголы СВ, на первый план выдвигается атрибут *ожидаемости*:

- (3а) Ты **делал** ей предложение?
- (3б) Ты **будешь делать** ей предложение?
- (4а) Ты **сделал** ей предложение?
- (4б) Ты **сделаешь** ей предложение?

В зависимости от контекста и лексического значения глагола, в вопросительных предложениях с глаголом СВ – типа (16, 26 и 4б) – может развиваться не только атрибут ожидания, но и явное желание, заинтересованность говорящего в выполнении действия. См. следующие примеры: *Ма, а ты купишь мне на эти деньги свисток, — попросил я* (В. Н. Вещунов); *Но ты ведь еще позвонишь? — загрустила Ирина. Часов до восьми я всегда одна. Он заверил почти машинально, что скоро позвонит, и вновь поплыл к дивану.* (Игорь Сахновский).

М. А. Шелякин (1983: 86), описывая различия значений данных видо-временных форм, сосредоточивается на признаке *степени вероятности реализации действий*. Он пишет, что при использовании форм сложного будущего выражается *намеренность* совершения действия, а в случае употребления формы простого будущего — *непременность, обязательность* выполнения действия. Для иллюстрации автор приводит следующие примеры: «Вы *будете выходить/выйдете* на следующей остановке? Вы *будете садиться/сядете*? Или: Ты *будешь* сегодня *оставаться/останешься* после работы?» (Шелякин: 1983: 86) (курзив мной – Р.В.). В этой связи Й. Крекич (1997: 78) отмечает, что в вопросах форма сложного будущего обладает меньшей иллокутивной силой, чем форма простого будущего «с признаком "непременной обязательности"» (там же), и, следовательно, это может произвести более вежливое впечатление. Продолжая рассуждения Шелякина, можно добавить, что реализация значения «*непременной обязательности*» во многом зависит от таких факторов как: интонация говорящего, относительная разница в их социальных статусах (напр., отношения начальника и подчинённого vs. равноправие) и сама ситуация.

При использовании утвердительных предложений глаголы видовой пары также могут семантически сближаться. См. следующие примеры:

- (5а) Я **буду писать** ему завтра.
- (5б) Я **напишу** ему завтра.

(6а) Она **будет подавать** на него в суд.

(6б) Она **подаст** на него в суд.

Вышеприведённые предложения можно рассмотреть и в плане модального содержания, с точки зрения *уверенности говорящего о выполнении действия*. На наш взгляд, можно сказать, что предложения, типа (5б и 6б) с глаголами СВ звучат более *категорично, решительно*, чем (5а и 6а) с глаголами НСВ, т. е. предложения (5б и 6б) передают бóльшую степень уверенности о выполнении действия. Это легко можно усмотреть, если учесть тот факт, что глаголы СВ всегда выражают достижение предела и делают упор на результате действия, в то время как глаголы НСВ в этом отношении нейтральны (они могут выражать или не выражать данные аспектуальные признаки).

### **Настоящее несовершенное время VS будущее несовершенное время**

Видо-временная форма настоящего несовершенного способна обозначать единичное будущее действие, которое твёрдо запланировано или может быть предсказано с высокой степенью уверенности, при условии, что говорящий воспринимает его как не далёкое во времени (Гловинская 2001: 155). В лингвистической литературе данный семантический комплекс упоминается под разными названиями: настоящее намеченное, настоящее предстоящего действия, настоящее профетическое; в данной статье мы будем употреблять последнее название. Так, формы настоящего несовершенного в футуральных контекстах по умолчанию передают значение настоящего профетического, тогда как формы будущего времени выражают намерение со стороны говорящего. Однако встречаются и такие ситуации, в которых форма настоящего несовершенного может быть заменена формой будущего несовершенного времени без существенного изменения смысла. Обратите внимание на следующий диалог:

- (7) – Давай встретимся завтра утром.  
– К сожалению, не смогу. Завтра утром я **играю** / **буду играть** в теннис; я уже договорился с другом.

Эти два варианта чрезвычайно близки друг к другу по значению; можно указать лишь на тонкие интерпретационные различия. Обращает на себя внимание, что в случае *играю* акцент делается на твёрдый план, и значение настоящего профетического передаётся явно. В отличие от этого, *буду играть* акцентирует действие, которым будет занят субъект, в то время как заранее запланированный характер действия, раскрываемый только лексическим контекстом, остаётся на заднем плане.

Мы полагаем, что отношения между формами настоящего и будущего НСВ можно концептуализировать как приватную оппозицию, в которой форма настоящего профетического – сильный (маркированный, положительный)

член противопоставления – всегда явно передаёт данное значение в контекстах будущего времени без необходимости какой-либо контекстной поддержки. В случае такого высказывания, как, например, *завтра я лечу в Лондон*, ясно, что действие запланировано на определённое время; по всей вероятности, субъект уже купил билет на самолёт и имеет определённый маршрут. Форма же будущего НСВ – слабый (немаркированный) член оппозиции – может или не может выразить значение настоящего профетического, в зависимости от таких факторов, как лексическое значение глагола и ситуация. Когда данная видо-временная форма передаёт значение настоящего профетического, то это осуществляется лишь имплицитно, на заднем плане, исключительно при поддержке контекста. Сравним следующие два примера:

- (8) – Я **буду помогать** отцу по хозяйству.  
(9) – Какие у вас планы на завтрашний день?  
– Я **буду помогать** отцу по хозяйству. Мы уже договорились с ним.

В примере (9) лексический контекст позволяет нам воспринимать действие как твёрдо запланированное единичное (хотя и растянутое) действие в ближайшем будущем, тогда как (8) не выражает такой коннотации.

### Заключение

Настоящая статья была посвящена интерпретационным различиям, возникающим при конкуренции видо-временных форм в плане будущего времени. Касательно взаимозаменяемости форм простого и сложного будущего мы сделали следующие выводы.

- В случае вопросительных предложений часто реализуются следующие значения. При использовании НСВ говорящий «нейтрально» интересуется у собеседника, *намерен* ли тот выполнять действия или нет. При употреблении же СВ у говорящего есть *ожидание* (или, в некоторых случаях даже *заинтересованность, желание*) совершить обозначенное действие.
- В некоторых обстоятельствах вопросительные предложения с глаголом СВ могут развивать модальный признак *непременности, обязательности* выполнения действия.
- Утвердительные предложения будущего времени, содержащие глаголы СВ, потенциально способны реализовывать бóльшую степень уверенности о выполнении действия чем аналогичные предложения с глаголами НСВ. Они могут быть насыщены модальными оттенками *категоричности, решительности*.

В отношении конкуренции между формами сложного будущего и настоящего несовершенного (выступающего в значении профетического настоящего), мы пришли к следующим выводам.

- Форма настоящего профетического в каждом случае реализует семантический комплекс настоящего намеченного, в то время как форма сложного будущего – в зависимости от лексического значения глагола и ситуации – может или не может передавать значение настоящего профетического. Исходя из этого, в отношении признака выражения семантического комплекса настоящего намеченного данные видо-временные формы представляют привативную оппозицию.
- При собственной конкуренции форма настоящего профетического подчёркивает запланированный характер действия, а форма сложного будущего выдвигает на первый план то, чем будет занят субъект в намеченное время.

### Bibliography

- Бондарко, Александр Владимирович (1971), *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*. Москва, Просвещение.
- Гловинская, Марина Яковлевна (2001), *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва, «Азбуковник» и «Русские словари».
- Крекич, Йожеф (1997), *Педагогическая грамматика русского глагола: Семантика и грамматика*. Szeged, JGyTF Kiadó.
- Маслов, Юрий Сергеевич (2004), *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Москва, Языки славянской культуры.
- Падучева, Елена Викторовна (2010), *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва, Языки славянской культуры.
- Рассудова, Ольга Петровна (1982), *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва, Русский язык.
- Шелякин, Михаил Алексеевич (1983), *Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы*. Таллинн, Валгус.
- Шведова, Лилия Николаевна (1984), *Трудные случаи функционирования видов русского глагола (к проблеме конкуренции видов)*. Москва, Издательство Московского университета.
- Ясаи, Ласло (2000), К вопросу об общефактическом значении несовершенного вида. *Studia Slavica Hung.* 45, 117–129.
- Ясаи, Ласло (2005), *Видовые корреляции русского языка в системе грамматических оппозиций*. Budapest, Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kar Szláv és Balti Filológiai Intézet.
- Jászay, László (2019), *Az orosz igeszemlélet oktatásának nyelvészeti alapjai*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.